

Марина Эльденберт

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБЕСА В ОГНЕ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ В НЕБО
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБО ДЛЯ ДВОИХ

ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПРЫЖОК В БЕЗДНУ
ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ОБРЕСТИ КРЫЛЬЯ

МЯТЕЖНИЦА
СКРЫТЫЕ ЧУВСТВА
ЗАКЛЯТАЯ НЕВЕСТА
ЛЮБОВНИЦА ПОНЕВОЛЕ
ИСТИННАЯ ПОНЕВОЛЕ
ЗАПРЕТНАЯ МАГИЯ

В соавторстве с Валерией Черновановой

МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ

ГЛАВА 1

Мне кажется, что кто-то изобрел машину времени или с помощью какой-то неведомой силы закинул меня в прошлое. В ту самую минуту, когда я ждала его в своей спальне после случившегося в ресторане, ждала, чтобы с ним поговорить, чтобы высказать ему все, что не давало мне покоя. Чтобы извиниться. Ситуация повторяется почти с точностью до ощущений, но эти ощущения — всего лишь отголоски того, чему не суждено сбыться. Я сейчас не дома, у меня и дома-то нет. На мне — больничная рубашка, и я не так давно рассказала всему миру, как убегала от отца своего ребенка, который сейчас стоит передо мной. Но что самое главное, я не испытываю по этому поводу ни малейшего чувства вины, и, будь у меня выбор, я поступила бы так же.

Возможно, поэтому моими первыми словами становятся именно эти:

— Я буду с тобой говорить только в присутствии своего брата.

Кажется, не такого он ожидал. Или ожидал, но чего-то совершенно иного, потому что в его представлении Лаура должна бежать поджав хвост или дрожать от одного взгляда на великого и могучего. Ну как минимум от страха за свою семью, из разряда «не впутывать сюда своего брата, своих друзей и так далее». Но я уже их впутала — тем, что родилась, что была с ними связана по рождению или по знакомству, как с Рин и Сэфлом. Уверена, Сэфл не просто так стал начальником службы безопасности. Он им стал, потому что был моим лучшим другом. А Торну нужны все инструменты, чтобы разрушить мою жизнь.

— Ты будешь говорить со мной здесь и сейчас, Лаура, — проносит он.

Странно, что палата не покрылась льдом изнутри и не осыпалась осколками прямо на нас.

Я улыбаюсь. Показываю на смартфон.

И отворачиваюсь.

Не так-то это и легко — выдерживать тяжесть его присутствия, особенно учитывая, что в глубине души (когда-то очень давно, безумно давно, видимо, в другой жизни) я надеялась на эту встречу. Надеялась, что она случится и что она будет... не такой, как сейчас. Но, как говорится, что имеем, то имеем. Надо исходить из сложившихся обстоятельств.

За спиной раздаются шаги, и я чувствую, что он приближается, каждой клеточкой своего тела. Каждым вздохом, который, кажется, сейчас вырвется из моей груди облачком пара. От позорного бегства спасает только то, что бежать в больничной рубашке не лучшая идея — это первое. И второе: я не хочу показывать ему свой страх. Я хочу, чтобы он ушел.

Что там случилось такого, что Халлоран вот так просто пустил его ко мне, я не знаю, но, вероятно, это было из разряда: «Заберите свою бомбу замедленного действия и деактивируйте ее в Ферверне». Что же, посмотрим, как у него это получится.

Теперь.

— Я говорил с твоим отцом.

Это звучит по меньшей мере неожиданно. Остановившись рядом со мной, Торн складывает руки на груди и смотрит на раскинувшийся за окном Мэйстон. Меня должно волновать то, что он говорил с моим отцом? Точнее, с мужчиной, который меня называет своей дочерью? Не должно. Но волнует, и я больше чем уверена, что он это прекрасно знает. Да, он прекрасно знает, на что, как и куда надавить, чтобы я немедленно пасанула.

Прости, Торн. Не в этот раз.

— Я попросила тебя уйти, — отвечаю я. — И если ты не оставишь меня в покое...

— Твоя мать жива.

Откат от этих слов такой мощный, что я чудом держусь на ногах. Лед прокатывается по позвоночнику, собираясь в кончиках пальцев — и снова растекаясь по телу морозным туманом, отпечатывающимся в сознании каждым словом, как клеймом.

Твоя.

Мать.

Жива.

Эти раскаленные буквы проступают сквозь густую пелену ледяного дыхания, как неон сквозь густую метель.

Я не могу дышать, даже двигаться не могу, поэтому просто спрашиваю:

— Что?

Звучит очень тихо.

— Твоя мать жива, Лаура. В прошлом, когда твои родители переживали не лучшие времена, она согласилась принять участие в тестировании препарата. — Он поворачивается ко мне, я чувствую его взгляд, но по-прежнему смотрю на Мэйстон, словно каждое здание, каждый флайс и каждый неоновый щит в этом городе стали мощнейшим магнитом. — Это были закрытые исследования, за которые заплатили очень хорошо. Когда Оррис Хэдфенгер согласилась на эксперимент, она не знала о том, что беременна. Ты — часть этого эксперимента, Лаура. Я больше не уверен, что ты человек.

Мир, который я только что более-менее собрала, снова разлетается осколками. К счастью, это настолько стало привычным, что сейчас я уже не впадаю в прострацию или не пытаюсь кричать о том, что он лжет. Я мысленно сопоставляю факты: пламя ребенка, прорывающееся сквозь меня, которое мне удавалось контролировать. Невозможность отдать мне приказ. То, как сквозь харргалахт Бена прорывался ледяной огонь.

Пальцы сами собой тянутся к рубашке на груди, чтобы сгрести и смять ткань в том месте, где по-прежнему стоит метка истинного пламени, но я ее отдергиваю. Мне приходится приложить все силы, чтобы не думать сейчас о маме и о том, что я только что узнала. Потому что даже после всего, что произошло, для меня это — слишком.

— Она... где она? — Я все-таки поворачиваюсь к нему.

— Она в коме, Лаура. — Торн холодно смотрит на меня. — Пока неизвестно, где ее спрятали, но я ее найду и во всем разберусь. Сложно сказать, как будет развиваться твоя беременность, но в Ферверне, где собраны все знания по ледяному пламени от самых истоков, от перворожденного иртехана, убережь тебя и твоего ребенка будет проще. Еще проще будет с информацией по твоей матери и экспериментам, которую в Аронгаре тебе передадут так, как будет выгодно им.

Можно подумать, ты свою выгоду упустишь, Торн Ландерстерг.

— Хочешь сделать мне предложение? — спрашиваю я. Звучит очень двусмысленно, особенно после всего, что между нами было, но мне сейчас не до подбора слов.

— Нет. Хочу, чтобы ты поехала со мной по своей воле.

— А если я откажусь?

Никогда не думала, что этот взгляд может стать еще холоднее.

— Значит, поедешь в капсуле гибернации. Что касается твоего заявления, каким бы ни был общественный резонанс, я не оставлю своего ребенка на волю случая. Час на сборы, Лаура. И лучше не трать его на запись очередной душеспитательной истории, потому что никто не поверит матери, ставящей жизнь своего ребенка под угрозу.

Он развернулся и вышел до того, как я успела ответить.

Напоследок окатив холодом, на который что-то тонко отозвалось внутри.

Несколько минут я стояла неподвижно, пытаюсь это прочувствовать. Реакцию Лыдинки на отца. Но то ли она была настолько мимолетной, что уловить ее невозможно, то ли я сама себе это придумала, потому что больше ничего не было. Никаких откликов. Никакого проявления пламени, что само по себе было странно.

Хотя где я и где странно?

Торн рассказал мне о том, что моя мать жива и находится в коме непонятно где. Мой отец при всем при том женился и умудрялся рассказывать мне, что я стала причиной ее смерти. Словом, начиная с рождения все то, что для других характеризуется словом «странно», для меня было нормально. Нормально — отнять у меня и у Даргела мать, а потом жениться на Ингрид?! Нормально ни словом не обмолвиться, что женщина, которая мне подарила жизнь, — жива? Сколько раз я смотрела на ее фото и думала о том, как все могло бы быть!

На этой мысли я прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Не самая лучшая идея — думать об этом сейчас. Если я не хочу превратить частную клинику в ледяной грот, разумеется. Спасибо экспериментам.

— Лаура.

Да вы издеваетесь! Это закрытая территория или проходной двор?!

Я обернулась — на сей раз к Бену.

— Не помню, чтобы у нас была назначена встреча.

— Может, мы уже нормально поговорим?

— Зачем?

— Затем, что я знаю, к чему склоняется Халлоран.

Он приблизился, остановился напротив меня.

— Переговоры с Ландерстергом бессмысленны, и он считает, что в сложившихся обстоятельствах проще всего будет выдать тебя Ферверну.

— Это он тебе сообщил? Чтобы ты в срочном порядке побегал на мне жениться?

Бен, собиравшийся что-то сказать, осекся. Правда, потом все-таки произнес:

— Bravo, Лаура. У тебя огромный потенциал.

— Мой потенциал стремительно вырос, когда я осознала, что каждый из тех, кто предлагает помощь, собирается использовать меня в своих целях.

Определенно, какая-то прелесть во всем случившемся была. Если раньше, не так давно, мне было больно его видеть, сейчас — уже нет. Ледяное пламя, оказывается, может не только жечь, оно еще и отличный анестетик. И здорово помогает в ситуациях, когда нужно держать эмоции под контролем.

— Это было смело. То, что ты сделала.

Я пожала плечами. Не говорить же ему, что это был жест отчаяния. Хотя любой, кто мало-мальски разбирается в психологии, поймет, что это был жест отчаяния. Интересно, какой жест будет у меня следующим? После того как я переоденусь в выданную мне одежду, чтобы меня выдали Ферверну (в гибернационной капсуле или без, перевязанную ленточкой).

— Хваленая защита Халлорана дала трещину, — сказала я. — Поэтому мне пришлось защищаться самой.

— Что он тебе предложил?

— Умереть.

Я все-таки отошла от окон, потому что в ином случае мне грозило враспи в пол и провести этот час в раздумьях о своей тяжелой ноше. Тяжкой, может стать, ноша и была, но я не собиралась об этом думать. Мне надо было думать о том, что я буду делать дальше. В Ферверне.

Где помимо Солливер Ригхарн еще и Арден под арестом, не считая Сэфла и Рин.

— Я рад, что ты не согласилась. — Бен подошел ко мне и сел рядом со мной на аэропостель. — Инсценировка смерти — не самое удачное начало для новой жизни.

— Доверяю мнению профессионала.

Он поморщился.

— Лаура, я действительно сожалею. Когда я во все это ввязывался, даже не представлял, что ты станешь мне дорога. Насколько ты станешь мне дорога.

— Не надо. — Я подняла руку. — Просто не надо, Бен. Давай оставим твои чувства, прошлые, настоящие и будущие, на дру-

гом плане. Иначе разговора у нас не получится. Я сейчас не то чтобы готова верить в любовь и во все хорошее.

— Ладно.

Вот и чудесно. Тем более что я все равно не представляла, о чем нам вообще говорить. Кроме как...

— Я так понимаю, что ты пришел снять харргалахт?

Бен нахмурился.

— Нет.

— Нет?

— Вообще-то, Лаура, я пришел сказать, что хочу поехать с тобой.

Видимо, молчала я слишком громко, потому что он тут же добавил:

— Тебе потребуется защита в Ферверне. Сейчас я единственный, кто сможет тебя сопровождать — потому что мы обручены.

Я покачала головой.

— Это тоже идея Халлорана?

— Моя. — Бен коснулся моего бедра. — Лаура, посмотри на меня. Несмотря на все масштабы власти Ландерстерга, тебе потребуется защита. От всех, кто будет не очень или, говоря прямо, очень не рад твоему возвращению. Я буду рядом с тобой круглосуточно. Не отойду от тебя ни на шаг, и в силах Халлорана выдвинуть такое требование — после твоего выступления.

— Ты кое-что забыл, Бен. Тебя выслали из Ферверна.

Он усмехнулся.

— Ландерстерг считает себя единоличной властью Ферверна, но при всем при том всегда существует возможность создать общественный резонанс. Да, он отец твоего ребенка и имеет такие же права на него, как и ты, особенно учитывая, что это — его первенец. Но он не имеет права разлучать тебя с будущим мужем, да еще в таких обстоятельствах.

— Давай я расскажу тебе, как все будет, Бен. — Я раскрыла ладонь. — Даже если Халлоран сумеет продать эту тему, в чем я сильно сомневаюсь, ты действительно сможешь поехать со мной. Но пресс-служба Торна очень быстро обыграет мое замужество таким образом, что, заполучив от него ребенка, я тут же прыгнула в постель к тебе. Это первое.

Я загнула палец.

— Из этой темы они выжмут все до последнего, до того, когда мои слова о любви ко Льдинке не будут иметь никакого значения. Потом, когда это случится, когда все поверят в то, что я — ветренная особа, которая решила сыграть на жалости к детям, под

эгидой сохранения опасной беременности меня посадят в какой-нибудь исследовательский центр, куда тебе точно не будет доступа — потому что это секретный объект Ферверна, а ты гражданин другой страны. Это второе.

Я загнула второй палец.

— Мне продолжать? Или ход моих мыслей тебе понятен? Странно, что все это тебе говорю я.

Он явно собирался возразить, но я подняла руку.

— Все кончено, Бен. Пора это признать. Теперь я сама за себя, и я благодарна тебе за информацию, которую ты мне дал. Все, чем ты можешь сейчас мне помочь, — это максимально быстро и безболезненно снять харргалахт.

Я смотрю ему в глаза и вижу отражение себя. Такое бывает, если вглядываться в радужку, особенно в темную. Еще я вижу знакомые искры пламени, и на миг снова обжигает ставшим почти привычным для меня чувством — чувством бесконечной, безграничной неопределенности в отношении этого мужчины. Я так и не поняла, что испытываю к нему и испытываю ли что-то вообще. Возможно, это к лучшему, потому что иначе было бы в разы больше. Сейчас и тогда, когда я узнала правду.

— Ты правда этого хочешь?

Иногда меня пугает наше созвучие.

С Торном такого никогда не было. Было все: отчуждение, страсть, сначала осторожная, а потом изматывающая любовь, но такого не было.

— Правда, Бен. Сними его. Сейчас.

Какое-то время он молчит, потом произносит:

— Тебе придется расстегнуть рубашку, Лаура.

На его лице сейчас отражается только бесконечная усталость, если и есть что-то еще, то это «что-то еще» запрятано гораздо глубже, чем у меня есть допуск. Не уверена, что этот допуск есть у него самого.

Я расстегиваю рубашку ровно настолько, чтобы был виден харргалахт. Приходится чуть потянуть ее в сторону, потому что если расстегивать дальше — это будет уже не совсем в тему, а так узор наполовину скрыт под тканью. В глазах Бена вспыхивают искры, на кончиках пальцев — пламя. Почему-то, когда он касается кожи, оно почти не обжигает. Может, это теперь тоже моя особенность? Связанная с тем, во что меня превратили еще до рождения?

Уже в следующий момент я понимаю, что рано радовалась, потому что пламя «кусается». Оно не просто кусается, оно обжи-

гает с такой силой, что слезы не наворачиваются на глаза исключительно потому, что они во мне закончились. Чтобы отвлечься, я смотрю, как пламя закручивается спиралью на его пальцах, по ощущениям, будто вытягивая себе подобное с моей кожи.

Возможно, так оно и есть.

Когда все заканчивается, Бен убирает руку, а я невольно смотрю на пылающую кожу у себя на груди. Ощущение по-прежнему такое, как будто к ней приложили раскаленный металл.

— Скоро все пройдет.

— Я зн... — Я обрываю себя на полуслове. — Спасибо.

Он качает головой.

— Тебе не за что меня благодарить.

Взгляд его тоже задерживается на покрасневшей коже над грудью, и я поспешно дергаю ткань туда, где ей самое место. Застегиваю рубашку на все пуговицы. Спрашивается, зачем, сейчас все равно переодеться (разумеется, если я не выберу путешествие в медицинской капсуле).

— Я все равно поеду в Ферверн, Лаура.

— В Ферверн ты поедешь, только когда там сменится власть.

Я слышу этот голос, и по коже бежит мороз, а может быть, этот холод я чувствую раньше, чем слышу голос, — в любом случае они неделимы. В глазах Бена вспыхивает пламя, он поднимается. Я вскакиваю следом и натываюсь на драконий, страшнее ледяной волны, взгляд Торна.

ГЛАВА 2

Я от него так устала. От этого взгляда.

От его обладателя. От того, что он все портит — все, к чему прикасается. По крайней мере, в моей жизни так точно. Он умудрился изгадить самое светлое, что было в моей жизни, — первые месяцы осознания того, что я стану матерью. Первый раз, когда я увидела Лыдинку комочком плоти, пожалуй, не успел, но только потому, что его не было рядом. И после всего этого он опять приходит ко мне в палату и сверкает тут своими ледяными глазами.

Внутри поднимается такая злость, что впору звонить Танни Ладэ-Гранхарсен и интересоваться, не занят ли ее сын.

— У меня что-то с ощущением времени или уже прошел час? — спрашиваю я.

Получается очень колко.

— В этот час не входили разговоры с ним.

— О. — Я приподнимаю брови. — А может, перечислишь, что в него входило, Торн Ландерстерг? Два раза сходить в туалет, четыре посмотреть в окно, дышать строго в установленном порядке и соблюдать сердцебиение согласно мировым нормативам?

Хорошо, что тут Бен, потому что иначе я бы уже чем-нибудь в него запустила. Капельницей, например, вернее, штативом под капельницу. А может быть, и чем-то еще. Ладони начинает привычно покалывать, поэтому я сжимаю и разжимаю пальцы.

— Выйди, — коротко командует он.

Разумеется, это относится к Бену, в глазах которого тут же вспыхивает знакомое пламя.

— Я, как бы это поточнее выразиться, Ландерстерг, вне пределов твоей юрисдикции.

— Это определенно плюс, ферн Эстфардхар. В любом случае я могу всегда запросить вас в качестве важного свидетеля — или правильнее будет сказать опасного подозреваемого? Который нарочно подвергал жизнь моего первенца опасности. Вряд ли вам понравится то, что за этим последует.

— А говорил, непустишь меня в Ферверн. — Бен усмехается и делает шаг вперед.

Хрусть!

Ну что я могу сказать... я в него все-таки кое-чем запустила. Точнее, не в него, а между ними, и теперь смотрела на ледяной островок, с шипением расползающийся на полу. Над моими пальцами клубился ледяной дымок и оба, как по команде, уставились на меня.

Ну, по крайней мере перестали мериться хвостами, и то ладно.

— Бен, оставь нас, пожалуйста, — попросила я. — Прошу тебя, потому что в случае ферна Ландерстерга моя просьба обречена.

— Я принесу Гринни, — говорит он. — Она здесь. Двумя этажами ниже.

Проходит мимо Торна, и, когда дверь за ним закрывается, его ледяное единовластие шагает ко мне.

— Сегодня ты первый и последний раз возражала мне в присутствии кого бы то ни было, Лаура.

— Правда? — интересуюсь я, падая в ледяное небо этих глаз. — А что еще я сегодня делала в последний раз? И... ой, погоди, разве это было в первый?

Он прищуривается, а я продолжаю:

— Давай сразу рассадим всех драконов по вершинам. Я возвращаюсь с тобой по своей воле, но ты больше не станешь диктовать мне условия. Мне нужно, чтобы ты понимал, что я еду с тобой исключительно ради моей девочки. Ради ее безопасности, ради того чтобы она родилась здоровой. Но это не значит, что я стану общаться с тобой или каким-то образом тебе подчиняться. Свою власть надо мной ты потерял в тот день, когда отказался меня слушать и со мной говорить.

— Все сказала? — по-прежнему холодно уточнил он.

— Пока — все.

— Хорошо. Потому что я забираю тебя исключительно ради безопасности своего первенца, Лаура. У меня нет ни малейшего желания управлять твоей жизнью или мешать тебе портить ее еще больше, как ты любишь это делать. Все, что мне от тебя нужно, — чтобы ты родила. Здорового. Сильного. Ребенка.

— Рожу, — спокойно ответила я. — Можешь не сомневаться.

— Замечательно.

— Но твоим он не будет. Точнее, твоей. Попытаешься отнять ее у меня, Торн Ландерстерг, очень сильно об этом пожалеешь. Я уже доказала, что не остановлюсь ни перед чем. И, если мне потребуется защищаться, я сделаю все. Все, чтобы моя дочь осталась со мной.

— И как ты собираешься ее воспитывать? — Торн посмотрел на меня сверху вниз, привычно, но это больше не работало. То ли я подросла, то ли перестала воспринимать его как... как кого?

— Ты сам сказал: я неведома зверушка. Так что сил воспитать сильного иртваханка у меня хватит, мне нужно найти хорошего наставника, не так ли? Кстати, надеюсь ты им меня обеспечишь. А еще достойным уровнем безопасности, которая у тебя хромает на обе лапы, и своевременной информацией, которая будет касаться меня и моей семьи. На таких условиях я согласна вернуться в Ферверн по своей воле. В противном случае у меня есть еще полчаса, чтобы записать видеообращение о том, как Главный Дракон Ферверна заботится о своем первенце.

— Угроз я выслушал на целую жизнь вперед.

— Это не угрозы, а условия нашего взаимовыгодного сотрудничества. Пункты договора, если пожелаешь, в любом договоре есть санкции.

— Справедливо. В таком случае вот мои: ты будешь выполнять все предписания моих медиков и моей службы безопасности. Показывать свой характер будешь исключительно при лич-

ных беседах — не переживай, их будет не так много. В случае нарушения первых пунктов я действительно изолирую тебя в исследовательском центре и попрошу свою пресс-службу рассказать о том, почему я это сделал. В случае нарушения последнего я надену на тебя таэрран.

— Ферверн всегда был противником таэрран, — хмыкнула я.

— Историю ты знаешь хорошо, я в курсе. Но перемены неизбежны, Лаура Фил. Искренне надеюсь, что мы друг друга поняли, и... — Он бросил взгляд на часы на запястье. — У тебя осталось двадцать семь минут и тридцать одна секунда, чтобы собраться. Эстфардхара к тебе больше не пустят, так что ты совершила ошибку, когда с ним не попрощалась.

Я прикрыла глаза, чтобы не сказать лишнего.

— Ты не посадишь меня в тюрьму. И не станешь выбирать, с кем мне общаться!

— В тюрьму? Ну что ты, Лаура. — Он покачал головой. — Я как никто забочусь о твоей безопасности и сохранности твоего здоровья. Как думаешь, встреча с агентом вражеской разведки попадает в список допустимых для этого мероприятий?

Его зрачок дернулся, и пламя снова кольнуло в ладони. Кольнуло неправильно, словно безумно стремясь... слиться с его?!

— Я тебя ненавижу! — выдохнула я.

— Взаимно, ферна Хэдфенгер. Или Фил, признаться, мне это совершенно безразлично.

Он снова направился к дверям, а я подавила желание запустить в него снежком, развернулась и пошла переодеваться.

Это куда лучше, чем думать обо всяких ледяных.

Одежду мне, разумеется, принесли новую. Через пятнадцать минут из тех двадцати семи, которые выдали на сборы (оставшиеся от безрассудно — по мнению Торна — потраченного на Бена времени), и я, разумеется, ее не надела. Из принципа надела то платье, в котором летала в Зингспридскую пустошь, хотя и довольно смутно представляла себе, как пойду в этом самом платье по парковке Хайрмарга, и в легких летних туфлях тоже.

Если честно, мне было без разницы. Кто у нас там первое лицо Ферверна? Вот пусть и выкручивается как хочет.

— Ты в этом поедешь? — В палате добавилось кондиционирования, когда его ледяное величие заявилось в назначенный час.

— Да. Мне не хватило времени переодеться, Торн. Когда принесли новую одежду, я побоялась, что не уложусь в твой график.

— Того, что я заставлю тебя переодеваться в своем присутствии, ты не побоялась?

— Нет. Надо? — Я завела руки за спину, чтобы расстегнуть замок, и не без наслаждения отметила, как изменилось лицо Дракона номер один.

— Мы опаздываем, — резко произнес он. После чего сдернул с пальто, которое доставили вместе со строгим костюмом, чехол и завернул меня в его содержимое наподобие пледа. Была бы возможность, еще и пояс бы завязал, причем поверх, как в смиренной рубашке. Судя по выражению лица, ему этого безумно хотелось.

Хотелось, но не оставалось ничего другого, кроме как ждать, пока я застегиваю пуговицу за пуговицей.

— Сапоги, — скомандовали мне.

Я пожалала плечами и принялась открывать коробку. Тоже очень медленно.

Сверху донеслось рычание, и рядом со мной склонилось его иртыханское драконобесподобие. Крышку от коробки постигла участь чехла, а вслед за ней улетели всякие уплотнители для носов и пяток, сохраняющие обуви форму.

— Вперед, — скомандовал Торн, вручая сапожки мне.

— Мне наклоняться сложно. Голова кружится, — сообщила я. — Поможешь?

И, невинно хлопнув глазами, протянула обувь ему. Второй раз за последние несколько минут лицо у него стало такое, словно он пытался понять, как это могло случиться с ним.

— Нет? Ну тогда я сама. Сейчас, только в кресло сяду.

Кажется, я услышала натуральное рычание, ничем другим этот выдох не мог являться. У меня отобрали сапожки с таким видом, что я на миг с ними попрощалась. Сейчас превратятся в ледяные и развалятся у меня на глазах — а между прочим, дорогие были. От Эгго Хьюса.

— Ногу. — Это было сказано таким тоном, что впору было за нее опасаться.

Тем не менее смотреть на Торна сверху вниз было непривычно, возможно, именно поэтому страх не шел. Зато шло что-то другое, когда его пальцы скользили по коже вслед за молнией. По коже, не прикрытой даже тонкой преградой чулок, от которых я в последнее время совсем отвыкла.

С кровати на нас с интересом взирала Гринни, которая решила поспать перед новым путешествием. Видимо, она с ними смирилась и даже перестала переживать по этому поводу.

— Ай, — сказала я, когда Торн слишком резко дернул замок на сапоге.

Он поднял голову, и взгляд у него был просто убийственный.

— Я сейчас безумно чувствительная. — Я глубоко вздохнула. — Судя по всему, беременность так сказывается.

Это был скрежет зубов дракона или под ботинки Торна на полу что-то попало, я так и не поняла. Когда второй сапог был застегнут, а Дракон номер один поднялся, мне указали на дверь. Я попыталась было шагнуть к Гринни, но Торн преградил мне дорогу. Сам подхватил изрядно подросшего зверя на руки и на выходе сунул его в руки одному из мергхандаров.

— Осторожнее с ней, она кусается, — предупредила я.

Правда, судя по выражению морды, все, что Гринни сейчас хотела, — спать. Убедившись, что нас с ней не разлучают и что мергхандар движется в правильном направлении, то есть в ту же сторону, что и я, виари прикрыла глаза и положила на мергхандара хвост. В прямом и переносном смысле.

До самого флайса мы с Торном больше не разговаривали, и с нами тоже особо никто не разговаривал. Халлоран попроситься не пожелал — видимо, не проникся моим выступлением по поводу его предложения, а Бен... Бена ко мне предсказуемо не пустили. Когда он принес Гринни, я успела только перехватить его взгляд, а потом закрыла дверь. Не сказать даже, что по чьему-то приказу, просто поняла, что так будет проще.

Нас связывало слишком многое и в то же время абсолютно ничего, чтобы сейчас растягивать это прощание.

Парковка, на которую мы вышли, была накрыта защитным куполом. Никакого транспорта, кроме нашего и флайсов сопровождения, здесь не было. Аронгарские вальцгарды стояли по периметру, пока мы всей крайне занимательной процессией двинулись к машинам.

Напоследок я обернулась — чтобы посмотреть на Мэйстон.

Так получилось, что этот город стал для меня своеобразным символом перерождения, и я пообещала себе и ему (мысленно), что обязательно вернусь сюда с Лыдинкой, когда она чуть-чуть подрастет. Отметила разбросанные по воде острова, заполненные высотками, знаменитый на весь мир мост — кажется, он назывался Центральный, и высотку Лаувайс, аналог фервернской

Айрлэнгер Харддарк, после чего шагнула к распахнутой двери флайса.

Торн сел следом за мной, и мы оказались друг против друга.
Как в старые добрые времена.

Те времена действительно можно назвать добрыми, а вот настоящие... пока что я не определилась, какую им придумать характеристику. Торн коснулся капли наушника, коротко ответил:

— Да, — и наш флайс плавно взмыл в воздух.

Я увидела, как по защитному куполу прошла рябь, и спустя минуту наш кортеж был уже на верхней аэромагистрали, специально расчищенной для нас.

Поскольку с городом я уже попрощалась, смотреть в окно больше не стала.

Достала мобильный и, смахнув сотню непринятых вызовов, открыла живую ленту. Помимо подсуетившихся репортеров, быстренько подхвативших эту тему по всему миру, мне писали самые обычные люди. В личку, под видео — люди из всех уголков мира, иногда скрытые за аватарками мультяшных героев или экзотических мест, иногда с фото крупным планом, иногда на фото держащие на руках своих детей — тем не менее все они выражали мне свою поддержку.

Двадцать две с половиной тысячи комментариев, число которых росло с каждой минутой.

«Мы с тобой!»

«Держись, Лаура!»

«Ничего не бойся!»

«Вот наблы! Ничего, на всех найдется управа!»

«Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю. В свое время мой муж...»

— Довольна? — Ледяной голос вернул меня в реальность. Неосознанно подняв голову, я ударилась о холод в синих глазах. — Довольна тем, что ты устроила, Лаура?

— Что я устроила? — уточняю.

Хотя мне хочется спросить это совершенно иначе, сейчас не время. Не уверена, что когда-нибудь еще наступит такое время и я буду спрашивать его о чем-то иначе.

— Это шоу. — Он кивает на мой смартфон.

— Это не шоу, это самозащита, — говорю я. — Должна же я была найти хоть кого-то, кто действительно готов меня защищать, при этом не используя в своих целях. Сейчас их...

Я смотрю на стремительно растущую цифру комментариев.

— Уже двадцать семь тысяч. Двадцать семь тысяч человек, которым ничего от меня не нужно и которые выражают мне свою поддержку. Просто так.

Торн прищуривается.

— По-твоему, это игрушки, Лаура?

— Моя жизнь? Жизнь моей дочери? Определенно нет. — По ощущениям, мой взгляд сейчас холоднее его взгляда. — А теперь, если не возражаешь, я бы хотела минут пять посидеть в тишине и с закрытыми глазами.

Разумеется, я вру, но вру достаточно убедительно. Убедительно для того, чтобы закончить этот разговор, а самой не сорваться в бессмысленные упреки. Вроде тех, что «Какого набла я должна была бегать по странам от отца своего ребенка?!» или «Почему, когда ко мне в квартиру ввалились вооруженные до зубов убийцы, ты ходил под ручку со своей Солливер?!»

Проблема в том, что она действительно его Солливер, а я — больше не его Лаура. Деловое соглашение, которое между нами, держится на хрупкой замерзшей ниточке, и в моих же интересах, чтобы эта ниточка дожила до рождения Льдинки. Потом, думаю, будет не легче, но потом я хотя бы буду спокойна, что мои чувства никак не повлияют на нее. Сейчас я не могу себе позволить никаких эмоциональных всплесков, потому что отвечаю не только за себя, но и за свою кроху.

У меня почему-то холодные руки, но я подавляю желание спрятать их в карманы пальто, равно как и обхватить себя руками тоже. Это такие беззащитные жесты, а ему я свою беззащитность показывать не собираюсь.

— Лаура, — слышу его голос.

— Что?! — Это получается резче, чем я рассчитывала.

— Я не хочу быть тебе врагом.

Нет, ну это уже слишком.

— Не хочешь — не будь, — отрезаю я и снова закрываю глаза.

К счастью для всех, больше он разговаривать не пытается, а я справляюсь с нахлынувшими чувствами гораздо быстрее, чем сделала бы это раньше. Возможно, мне это только кажется, но, когда мы подлетаем к Мэйстон-телепорт, меня уже не трясет от непролитых слез и желания высказать ему все.

ВИП-парковка свободна от журналистов, но не здание, в которое мы заходим. Здесь тоже кордон вальцгардов, через которые не пробиться, но это не мешает особо активным кричать из-за спин военных:

— Ферн Ландерстерг, как вы можете прокомментировать видео?!

— Лаура! Всего один вопрос!

— Вы уезжаете по своей воле?!

— Что вы можете сказать...

— Лаура!

Мне кажется, что это никогда не закончится, но благодаря совместным усилиям вальцгардов и мергхандаров, а еще, разумеется, особому, короткому коридору для ВИП-персон мы оказываемся в закрытом холле очень быстро, оставив за собой и волну журналистов, и глазеющую на нас со всех ярусов огромного пассажирского зала толпу.

Сотрудница Мэйстон-телепорт, в темно-зеленой форме и белой блузке, с оранжевым шейным платком, вежливо улыбается:

— Ферн Ландерстерг, добро пожаловать на частный рейс. Ферна Фил.

Я смотрю на надпись за ее спиной, и меня чуть не пробивает на смех.

«Зал номер один».

Смех я вовремя сдерживаю, потому что понимаю, что это будет больше напоминать нервное хихиканье. Внутри зала мягкие удобные диванчики, зона, где я могу съесть все, что может влезть, а заодно посмотреть визор, чтобы скоротать ожидание перехода. Стоит мне поднять глаза, как я тут же понимаю, что там показывают нас, идущих сквозь толпу. Сотрудница телепорта оказывается понимающей и быстро переключает на музыкальный канал.

Тут уже впору хвататься за голову, потому что на экране — клип Сибриллы Ритхарсон на ее наблову новую песню, которую она исполняла у нас на вроде как помолвке. На Торна я принципиально не смотрю, поэтому не знаю, как он реагирует, сама же отворачиваюсь, беру тарелку с первой попавшейся на глаза выпечкой и подхожу к окну.

Разве так все должно быть?

Разве я должна сейчас стоять, не имея ни возможности, ни желания прямо сказать обо всем, что меня тревожит?

Я оборачиваюсь и врезаюсь во взгляд Торна: он смотрит на меня.

— Мост свободен, — комментирует сотрудница телепорта, — можете проходить в зал перехода.

Мы проходим. Привычная процедура, когда нужно приложить ладонь к сканеру, чтобы получить допуск на переход, сопровождается комментарием Торна:

— Она беременна.

Это сказано таким тоном, что портпроводник слегка бледнеет и смотрит на сидящих за пультом управления телепортационным кольцом, как будто они могут ему помочь и спасти.

— Ферн Ландерстерг, беременность не является противопоказанием, — комментирует он. — Все показатели ферны Фил в норме.

— Руку, Лаура.

Я хотела сказать, что вполне могу пройти через телепорт сама, но передумала. Во-первых, у нас была договоренность, что я с ним не спорю на людях (и отнюдь не из-за таэрран, а из-за того, что выполнять условия соглашения должны оба), а во-вторых... я так и не придумала, что там во-вторых, поэтому просто вложила руку ему в ладонь. Пальцы привычно кольнуло холодом, правда, на этот раз я не смогла понять чьим — моим или нашим со Льдинкой.

Это прикосновение на миг выдернуло меня в прошлое, когда его ладонь касалась моей, а наши пальцы сплетались. Поэтому телепортационный переход — ощущение, что ты в чем-то увязнешь, взлетаешь, а после тебя выплевывает с высоты, как-то прошло мимо. Я едва успела опомниться, когда осознала, что мы — в резиденции, и это, пожалуй, было все, что я успела.

Потому что дверь распахнулась, в зал влетела Солливер Ригхарн и со словами:

— Ох, Торн, я так волновалась, — бросилась ему на шею.

ГЛАВА 3

Меня сейчас стошнит.

Не уверена, что не буквально, потому что волна тошноты поднимается неожиданно и отказывается отступать. В тот самый момент, когда Торну приходится отпустить мою руку, чтобы отцепить от себя брошку Солливер и прокомментировать:

— Что ты здесь делаешь? — меня начинает тошнить еще сильнее.

— Извините, — говорю я и опрометью бросаюсь к дверям, потому что смутно (по памяти) еще представляю, где здесь туалет.

Ближайший — вон за тем поворотом, очевидно созданный для тех, кого слегка уболтало в телепортационных волнах. Или для меня было слишком много этих телепортационных волн. Он даже не гостевой, я не представляю, как его назвать, это огромный роскошный санузел, в который я вовремя влетаю, оставив позади счастливых жениха и невесту, Тиуса и добрый взвод мергхандаров. К тому моменту, когда во мне заканчивается то, чего быть не должно было в принципе — по-моему, я не ела очень и очень давно, вся эта команда зависает в дверях.

Точнее, первым заходит Торн, за ним просачивается Солливер, Тиус, и мергхандары остаются на заднем плане.

— Вы шутите? — спрашиваю я, отводя волосы за спину. — Мне даже блевануть нельзя в одиночестве?

Знаю, что «блевануть» — это звучит грубо, но мне сейчас не до светских бесед. Меня только что вырвало, желудок до сих пор в бунте, и последняя, кого я хочу при этом видеть, — Солливер Ригхарн. Торн здесь тоже совершенно лишний, надеюсь, я донесла это до них с первого раза.

— Драконы, Торн! — выдает будущая первая ферна Ферверна. — Она же беременна!

Да вы что?!

Прежде чем я успеваю подняться, Солливер подбегает ко мне:

— Лаура, ты как?

Меня. Опять. Тошнит.

Может, это реакция не на телепорт?

— Сможешь подняться? — продолжает вирчать она. — Давай я тебе помогу.

Она наклоняется ко мне так близко, что я могу рассмотреть даже золотистые крапинки в ее больших зеленых глазах. А еще у нее духи... набловы духи!

Меня снова выворачивает, и Солливер отшатывается так резко, словно боится за свое идеально сидящее платье. В этот момент к нам приближается Торн, берет ее за локоть и вытаскивает за дверь. Дверь захлопывается, слава всем драконам, и я остаюсь одна! Желудок еще продолжает нервно подергиваться, но больше в нем, кажется, не осталось ни частички того, с чем можно расстаться. Поэтому я медленно поднимаюсь, нажимаю на слив и подхожу к раковине.

Умываюсь, вглядываясь в свое отражение — бледное, с глазами на пол-лица.

Да, Солливер Ригхарн определенно в мою картину мира не вписывалась. По крайней мере, не так скоро. Разумеется, я понимала, что рано или поздно наши пути сойдутся, но надеялась, что это произойдет поздно, а не рано.

Что ж, не всем надеждам суждено сбываться. Кому, как не мне, это знать.

Я достаю запакованную одноразовую расческу, привожу волосы в порядок. Наконец-то расстегиваю пальто, чуть пощипываю щеки, чтобы не напоминать собственную тень, и выхожу в коридор. Здесь, к счастью, поубавилось сопровождения. К еще большему счастью, поубавилось правильно: ушел дворецкий, несколько мергхандаров и Солливер Ригхарн. Можно надеяться, что до ближайшей комнаты я дойду без тошноты и головокружения?

— Ты как? — Торн вглядывается в мое лицо.

— Твоя невеста только что интересовалась тем же.

Драконы, укусите меня в язык! Ладно, что сказано, то сказано.

— Чудесно, — добавляю, хотя перебить уже сказанное вряд ли получится. — Хочу как можно скорее остаться одна и поспать. У меня окончательно перемешались все часовые пояса.

— Здесь раннее утро, — произносит Торн. — Или глубокая ночь.

— Значит, все в тему. И еще я хочу увидеть Верража.

— Это подождет до утра.

— Не подождет. Тем более что ты только что сказал, что здесь раннее утро.

Гринни, которую мергхандар несет на руках, вдруг оживает. Я замечаю это, потому что она начинает вирчать, даже оборачиваюсь.

— Отпусти, — командует Торн.

Виари опускают на пол, и она, скрежеща когтями, улетает вдаль, скрывается за поворотом.

— Она его чувствует, — говорю я. — Но это же...

Понимаю, что мы идем как-то совершенно иначе. Коридоры мне незнакомы, холодные, больше похожи на складские помещения.

— Придется зайти с другой стороны, — говорит он. — Знакомое тебе крыло пострадало во время оборота. Через холл в него не попасть.

Ты обернулся здесь?!

Вопрос застывает на губах, я буквально глотаю его. Мне точно не стоит вести с ним такие беседы, особенно учитывая, что с

нами под одной крышей его невеста. Которая... ой нет. Поблизости нет туалета.

У закрытых дверей приплясывает Гринни, колотит хвостом — от нетерпения. Оглядывается на меня: ну давай же, быстрее, быстрее!!! Стоит мергхандару приложить ладонь, дверь уезжает в сторону, и виари устремляется вперед.

Сейчас мы уже в доме, правда, пока в нежилой его части. Комнаты в основном запечатаны, даже двери еще оклеены строительной защитой от повреждений. Где начинается жилая, становится понятно по работающим вмонтированным в стену светильникам-полоскам и пляшущей перед одной из дверей Гринни.

— Он здесь, — говорит Торн. — Но он давно тебя не видел, Лаура.

— Он меня любит, — отвечаю я.

Дожидаюсь, пока он откроет дверь, вхожу следом за верещащей виари, превратившейся в шустрый летающий ком, и за Торном. Комната не похожа на ту, где Верраж с Гринни жили раньше, она пустая и необжитая, но здесь валяются их игрушки. Виари нарезает круги около ошалевшего от таких событий драконенка, который стоит, растопырив чешуйки.

На меня он смотрит так, будто не верит своим глазам.

Замирает на месте, только кончик хвоста подергивается, зрачки раскрываются и стягиваются в тоненькие полоски.

— Верраж. — Я опускаюсь на корточки, протягиваю ему руки. — Иди ко мне.

Драконенок подходит — осторожно, медленно. Так же осторожно тыкается носом мне в одну руку, в другую, потом в плечо. Не обращая внимания на радостное верещание Гринни, шумно вздыхает, а потом обнимает меня крыльями и начинает урчать.

Он урчит так громко, что это передается мне, от кончиков пальцев, которыми я касаюсь горячих растопыренных чешуек, до самых пяток, на которых сижу в коконе из крыльев.

— Прости, — говорю еле слышно. — Я не хотела от тебя уходить. Я больше никогда тебя не оставлю, слышишь?

Урчание становится еще громче, хотя куда уж громче — непонятно. Вдобавок ко всему раздается шуршание, и снизу в наш кокон заползает Гринни. Выражение морды обиженное: «Что это вы тут без меня обнимаетесь?!»

Я кладу вторую руку ей на голову и впервые за долгое время чувствую себя невыносимо счастливой. Ровно до тех пор, пока

не раздастся покашливание. Приходится отодвинуть крыло и выглянуть из-за него: Торн смотрит на нас крайне выразительно.

— Ты хотела спать, Лаура.

— Да, но я передумала насчет остаться одной. Я хочу остаться с ними.

— Здесь ничего не обустроено.

— Мне вполне хватит вот этого, — киваю на матрас, который, очевидно, служит лежанкой для Верража.

Кажется, мне удалось перебить эффект от сапожек: лицо Дракона номер один сильно вытягивается.

— Очень смешно. Пойдем.

— А я не смеюсь, мне не привыкать к походным условиям. — Поднимаюсь, но Верраж от меня не отходит. Стоит рядом и урчит. — Я не собираюсь бросать его сейчас. Снова.

— Тебе нужны нормальные условия. И безопасность.

— Самые нормальные условия в Ферверне — рядом с ним. Не говоря уже о том, что рядом с ним самое безопасное место во всем Хайрмарге.

То, что Верраж кому угодно откусит за меня голову, я знаю. Сама не представляю как, но знаю — возможно, это знание приходит с пламенем, а может быть, это просто чувства и интуиция.

— Лаура, — жестко произносит Дракон номер один.

— Торн, я останусь с ними, — отвечаю не менее жестко.

Дракон смотрит на меня, я — на него, раньше мне хватало минуты, чтобы под этим взглядом начать ледяную кристаллизацию, но сейчас, видимо, мои температурные режимы несколько изменились. Поэтому я спокойно выдерживаю его холод, и наши гляделки продолжают.

Чтобы потом очень резко закончиться.

Торн выходит за дверь, вместо него появляется мергхандар. Я замечаю в мисках нетронутую еду и хмурюсь.

— Опять тебя кормить? Ну что ты как маленький.

Показываю на корм.

Верраж не двигается с места, только когда я приближаюсь к месту кормления, следует за мной.

— Ешь.

Драконенок осторожно опускает голову, но тут же ее поднимает.

— Я никуда не уйду. Ешь.

Раздается хруст. Гринни с любопытством следит за кормежкой, а потом буквально влезает между Верражем и миской и хватает его корм. Этот кусок — размером с ее голову, тем не менее

она гордо волочет его по полу, после чего укладывается у окна и принимается грызть с видом победительницы. Д-добыча!

Мергхандара снова сменяет Торн, и я поворачиваюсь.

— Кровать поставят сюда. Временно, — говорит он. — Ты не можешь постоянно жить в зверинце.

— Почему? — интересуюсь я.

— Лаура, хватит.

— Что — хватит? Я всего лишь задала вопрос.

— Ты бессовестно пользуешься своим положением.

— А ты бессовестно пользуешься властью. Мне кажется, сейчас мы впервые на равных условиях.

Прежде чем Торн успеваешь ответить, я говорю:

— Мне нужно увидеться с отцом. Пусть по видеосвязи, но это важно. Я хочу с ним поговорить о матери.

— Ты сможешь увидеться с ним лицом к лицу. Твоя семья вернулась в Ферверн.

От неожиданности я не сразу нахожусь что ответить, а потом приносят кровать. С помощью специальных контуров аэропереноски разворачивают прямо над полом — так, чтобы она прошла в дверь целиком, после устанавливают у противоположной стены, напротив матраса Верража. Следом за мергхандарами приходят горничные, которые ее застилают.

Здороваются, с опаской косятся на Верража, но драконенок сидит смирно и наблюдает, Гринни — тоже. Для них это все в новинку, только когда слишком длинный край простыни падает на пол и виари пытается цапнуть ее зубами, Торн командует:

— Сидеть, — и виаренок прирастает к месту.

До тех пор пока горничные не заканчивают и не исчезают за дверью.

— Свободна, — говорит он Гринни, касается кнопки включения встроенного камина и поворачивается ко мне. — В душ тебе все равно придется идти в другую комнату. Здесь еще не установили сантехнику. Пока будешь в ванной, все прогреется.

Я киваю:

— Хорошо.

— Довольна?

— Ты сегодня об этом уже спрашивал. И да, ответ снова положительный.

Я направляюсь к дверям, но Торн меня останавливает. Просто шагает наперерез, и мне, чтобы не влететь в мощную драконью грудь, приходится резко сбавить скорость.

— Мы еще не закончили, Лаура. Нам нужно обсудить вопрос наставничества.

От этого взгляда — совершенно непохожего на тот, что был некоторое время назад, более глубокого, сильного, яростного — начинает покалывать подушечки пальцев. Не знаю, как его чувствует Льдинка, но я его чувствую на двести пятьдесят процентов. Раньше такого не было.

— Для меня это уже вопрос решенный, — пожимаю плечами.

Торн приподнимает брови.

— Я хочу в наставники Ардена.

— Нет.

Это звучит резко, холодно и жестко.

— Это единственный человек, — я смотрю ему в глаза, — из твоего окружения, которому я доверяю. К тому же он врач, и, насколько мне известно, хороший.

— Ему не доверяю я.

Кажется, мы плавно подошли к тому, почему Арден оказался в тюрьме.

— Почему?

— Это не важно. Достаточно того, что ты услышала, Лаура.

— Мне — нет. Мне нужны причины, чтобы не доверять кому-то. Чтобы понять, почему я не могу попросить этого человека... прости, иртехана себе в наставники. Причины, Торн, а не ответы в стиле: «Моя ледяная драконья задница так изволит». В противном случае я могу решить, что мы вернулись к тому, от чего ушли, и что нам наплевать на наши договоренности. Надеюсь, что это не так.

Вряд ли камину под силу справиться с тем, как резко холодает в комнате.

— Ты играешь с огнем.

— Скорее со льдом. А ты говоришь, как киношный злодей.

Собиравшийся продолжать Торн на мгновение замолкает, зато я больше молчать не намерена.

— Когда я была в Рагране, Арден был единственным, кто говорил со мной нормально. Единственным, кто не имел каких-то скрытых мотивов и не рычал на меня так, что мне грозило родить прямо сейчас. Он рассказал мне обо всем, что меня ждет. Честно. К сожалению, я его не послушала. Арден просил меня вернуться в Ферверн, говорил, что только здесь я буду в безопасности. Именно поэтому я хочу в наставники его, Торн. Потому что ему я верю. И считаю, что Льдинка будет в безопасности только с ним. Как я уже сказала, безопасность моей дочери —

превыше всего. Поэтому, если у тебя есть аргументы, по которым мне не стоит ему доверять, я внимательно слушаю.

Нас тоже внимательно слушают. Двое. Две пары глаз уставились на нас — Гринни и Верраж сидят бок о бок и сопят. Даже не представляю, сколько им придется так сидеть, а мне так стоять, но ничего. Я терпеливая.

Подожду.

Зрачки Торна едва уловимо подергиваются, заостряясь кверху и книзу, но звериными так и не становятся. Наконец он произносит:

— Арден в тюрьме.

— Я знаю.

Когда я просила в его наставники, я не задумывалась о том, что буду говорить. Но вот что удивительно — слова приходят сами собой.

— Откуда? — Голос Торна становится еще холоднее.

«От дракона», — хочется сказать мне. Вместо этого я отвечаю:

— Мне звонил отец Эллегрин Рэгстерн. Просил передать, что его дочь очень встревожена по этому поводу и что я должна сделать все, что от меня зависит, чтобы заставить тебя передумать. Именно тогда я тебя набрала, Торн.

— Ты звонила мне, чтобы просить за него?

— Да.

Его зрачки все-таки вытягиваются в вертикаль, и в этот момент Гринни с Верражем пригибаются к полу, а у меня по коже прокатывается пламя. Знакомое пламя, только с утроенной силой, и что-то с не менее яростной силой отзывается на это пламя внутри.

— Он отказался выполнить мой приказ.

— Какой?

— Это не имеет значения. Тот, кто не подчиняется приказам, будучи на военной службе, потенциально опасен.

— Еще как имеет, Торн. Жизнь — это не военная служба, и мы не на войне. Но ты, похоже, считаешь, что все только и обязаны делать, что исполнять твои приказы. — Слова срываются с губ — видимо, той самой силой, что швыряет меня к нему. Я приближаюсь почти вплотную, обжигаясь о лед его глаз. — Но это так не работает.

— А как это работает? — «Р» получается рычащей, возможно, именно поэтому внутри тоже рождается рычание. Рычание, а еще желание сократить оставшийся между нами минимум на

уровне тел и огней. За несколько мгновений до этого я отступаю назад.

— По-разному, — говорю я. — У всех по-разному, Торн. В разговорах. В компромиссах. В откровенности.

Стягиваю пальто и бросаю его поверх покрывала на кровать.

— Попробуй. Тебе понравится.

Не дожидаясь ответа, обхожу его и направляюсь к двери. Оборачиваюсь, только чтобы сказать:

— Мне нужен Арден. Больше я никого не приму.

На этот раз он не пытается меня остановить, до комнаты, которая должна была стать моей, меня провожают мергхандары, и там же я принимаю душ. Смываю с себя все напряжение последнего времени, а вместе с ним — остатки жалящего кожу ледяного пламени. Свое (или Льдинкино, или наше) я смыть не могу, поэтому оно бьется внутри. Прислонившись к дверям душевой кабины, кладу руки на живот:

— Давай не будем так остро реагировать на твоего папу. Иначе ничем хорошим это не кончится.

Кому я это говорю?

Ей? Или себе?

Чтобы выиграть немного времени, вытираю волосы полотенцем. Кажется, я вытираю их столько, что можно уже не сушить, но потом все равно сушу. Когда они начинают разлетаться в стороны от теплого воздуха, выключаю фен, заворачиваюсь в халат и возвращаюсь в комнату.

Торн по-прежнему там, а вот зверей нет.

— Их увели на прогулку, — комментирует он, а потом протягивает мне электронный браслет. — Медицинский. Снимать его не стоит, он будет отслеживать колебания твоего пламени на протяжении всей беременности.

«Колебания пламени» и «на протяжении всей беременности» очень хорошо возвращают в реальность. Первое — потому что я никак не могу привыкнуть к тому, что у меня есть пламя, а у него есть колебания, второе — потому что это четко обозначает: на время беременности ему есть до меня дело, потом я могу хоть самозаморозиться.

К счастью, я слишком устала, чтобы об этом думать, а тем более чтобы по этому поводу переживать.

— Так и будешь здесь стоять? — интересуюсь у Торна, который отвернулся к окну.

— Да.

— Тогда доброй ночи.

Я залезаю под одеяло прямо в халате, поворачиваюсь к окну спиной. Его присутствие от этого более далеким не становится, но так я хотя бы его не вижу. Закрываю глаза, но сон не идет. Несмотря на всю усталость, я лежу и считаю виарчиков до тех пор, пока с прогулки не возвращаются Гринни и Верраж, от которых пахнет морозом и снегом. Первая с разбегу запрыгивает ко мне на постель, мокрой лапой наступает мне на руку.

— Эй!

Сзади раздается «грюк», и кровать скрипит: это прибыл Верраж. Драконенок отлично размещается на второй половине кровати, шумно вздыхает и снова заводит моторчик. Согнать их рука не поднимается, к тому же я ведь этого и добивалась — быть с ними. Поэтому устраиваюсь поудобнее, подтягивая одеяло, насколько это возможно, потому что Верраж его придавил плотно. И, как ни странно, в окружении урчаще-сопящих почти мгновенно проваливаюсь в сон.

ГЛАВА 4

Торнгер Ландерстерг

Когда все стало так сложно?

В ту минуту, когда дракон рванулся к ней, обжигаясь о чужую печать, отшатнулся, не веря тому, что случилось? Или когда я сам увидел ее уже без харргалахт, а рядом с ней — того, кто ее поставил и кто только что ее снял? Того, кто касался ее кожи и кого хотелось скрутить и вышвырнуть за дверь, невзирая на то, как это будет выглядеть?

Даже тогда, когда она попросила его уйти.

Даже тогда, когда я вышел сам, чтобы наткнуться на него в коридоре у лифтов.

— Далеко собрался, Ландерстерг? — поинтересовался Эстфардхар, сунув руки в карманы.

Он совершенно точно нарывался, и, если честно, сейчас отчаянно хотелось поддаться этому чувству. Отбросить все, что мешало, — начиная от собственного статуса и окружающих нас мергхандаров, и от души отполировать его физиономией двери лифта.

— Свободны, — сказал я сопровождению.

И, когда мы остались одни, шагнул к нему.

— Если ты еще раз возникнешь на моем пути, очень сильно об этом пожалеешь.

— Угу. — Эстфардхар кивнул. — А теперь послушай меня, всесильный правитель всея морозильника. Эта девочка, которую ты сейчас оставил за дверями, не знала о том, что беременна. Когда я ее увез, она была в шоке. Иначе не побежала бы покупать тот наблов тест на беременность, хотя я ее предупредил о твоей паранойе. Все это время она с ума сходила из-за того, что ее ребенок будет расти без отца. Без настоящего, по ее мнению, отца, хотя я предлагал ей весь мир. И надо признаться, в последнее время вполне искренне. Я мог бы сделать ее счастливой, но ей это было не нужно, ей не нужен был я. Между нами ничего не было. Она согласилась на харргалахт только потому, что боялась потерять свою дочь. И да, я этим воспользовался, потому что на тот момент был ничем не лучше тебя. Не уверен, что лучше сейчас, но в одном я уверен, Ландерстерг. Если ты причинишь ей боль, если ты позволишь кому-то причинить ей боль, я тебя найду и убью.

— Начни со своего отчима, — сказал я. — И уйди с дороги.

Эстфардхар медленно отступил, а я коснулся наушника, возвращая мергхандаров, и вместе с сопровождением шагнул в лифт. Не вполне осознавая зачем.

В центральном холле был кофейный автомат, к нему я и направился.

Возможно, все стало непросто именно в тот момент, когда я пытался избавиться от звучащих в сознании слов Эстфардхара «между нами ничего не было», а может быть, именно тогда, когда увидел ее в легком летнем платье, снова бросающей мне вызов. Женщиной, которая действительно готова сражаться за свою дочь.

Когда взял ее руку в свою, на миг ударившись о слишком далекие воспоминания.

Или когда увидел ее спящей. Я продолжал на нее смотреть, на то, как подрагивают густые ресницы, как приоткрываются губы, когда она глубоко вздыхает — ей что-то снилось. Смотрел и испытывал безотчетное желание склониться над ней и позволить зверю внутри себя снова почувствовать то, что она свободна.

Увы, позволить себе подобное я не мог.

Не только потому, что в кабинете меня ждала Солливер — хотя и поэтому тоже, но потому, что после этого все станет гораздо сложнее, чем есть сейчас. Признавший свою пару дракон никого другого не примет, он и до этого умудрялся выдавить меня из моего собственного сознания. Что будет, если я позволю ему

пробиться сквозь боль ее несвободы, до сих пор звучащую во мне отголосками, я представлял смутно.

И проверять не хотел.

Поэтому, напоследок взглянув на спящее трио, вышел из комнаты. Стоявшие по обе стороны от дверей мергхандары вытянулись в струну. Я бросил на них короткий взгляд и направился в сторону кабинета, на ходу набрал Роудхорна.

— Мне нужно, чтобы ты подобрал людей, которым доверяешь, лично. Для ее защиты, до завтрашнего утра.

— Сделаю.

— Семья Хэдфенгер?

— Они у себя дома. Их квартира еще не продана.

— Им тоже потребуется охрана.

— Понял.

Чтобы попасть в кабинет, мне пришлось пройти под открытым небом. Завалы после оборота уже расчистили, но восстановительные работы начнутся только утром. Разумеется, все будет сделано быстро, но пока что пришлось пройти между изломов стен и развороченных комнат, прежде чем оказаться перед дверью кабинета и толкнуть ее.

Солливер сидела на диване, закинув ногу на ногу, заметив меня, поднялась.

— Я поддерживаю твоё решение привезти ее, Торн, но это... — Она кивнула на дверь. — Совершенно точно недопустимо.

— Совершенно точно недопустимо — что? — уточняю я, проходя в кабинет и опускаясь в кресло. Можно было остаться стоять, но я впервые за долгое время чувствую себя простым смертным мужчиной. Который смертельно хочет спать.

Не знаю, что в этом самое дикое — сравнение меня с простым смертным в собственных мыслях или же то, что я хочу спать. У меня буквально глаза закрываются. Им не позволяют это сделать только долгие годы дисциплины и яркое осознание того, что наш с Солливер разговор еще не закончен. По большому счету он и не начинался.

— То, что она будет жить в нашем доме. То, что ты проводишь с ней время. Я понимаю, что она мать твоего ребенка, точнее, твоего будущего ребенка, но это — уже слишком. Ты не хуже меня представляешь, во что это может развить пресса.

Мне все равно.

Я чуть не говорю это вслух, но, к счастью, если Халлорану в лицо можно сказать «мне все равно», то в этом случае это будет чистойшей воды наблейшество.

— Пресса все равно во что-нибудь это разовьет, Сол, — говорю я, кивая на кресло по другую сторону стола. — Сядь, пожалуйста.

Она приподнимает брови, но все-таки приближается к столу и садится.

— Лаура не просто беременна моим первенцем, она сама — результат неизвестного эксперимента.

— Что?!

— Это долгая история. Она не человек и не ирлландесса, анализы ее крови показывают то, что показывать не должны. Честно говоря, я вообще не представляю, во что все это выльется, и именно поэтому она останется здесь. Ее сила совершенно неконтролируема, более того, она непредсказуема. За ней нужно систематическое наблюдение, и это систематическое наблюдение обеспечить я могу только здесь.

Солливер откидывается на спинку кресла, качает головой:

— Как такое возможно, Торн?

— Я не знаю, — пожимаю плечами. — Не знаю, но я это выясню.

Она покусывает губы.

— Не представляю. Ты говоришь, что ее сила непредсказуема. Но разве не проще тогда отправить ее в какой-нибудь медицинский центр? Туда, где за ней будет круглосуточный уход и наблюдение и команда медиков всегда наготове?

— Она может уничтожить их всех. Случайно.

Солливер открывает рот, потом его закрывает.

— Этого не произойдет, я более чем уверен. Но я должен перестраховаться. Тем более что... — Мне хочется потерять глаза, вместо этого я в упор смотрю на нее.

— Тем более что?

— Я не знаю, кому сейчас могу доверять.

— Что-то случилось в Аронгаре?

— Случилось. Много.

Она глубоко вздыхает, чуть подается вперед и поднимается. Обходит стол, садится на краешек с моей стороны.

— Торн, тебе нужно в постель.

Я качаю головой.

— Мне много всего нужно сделать.

— Дела подождут. До завтра. — Она отводит прядь волос с моего лица, едва касаясь его кончиками пальцев. — Ты совершил оборот, пролетел над океаном, и я больше чем уверена, что твое общение с Халлораном не было праздником. Я знаю, что мы дого-

варивались о партнерском браке, но, как твой партнер, я вынуждена настаивать. Тебе нужно отдохнуть, Торн. У всех есть предел.

Самое паршивое, что я сейчас это чувствую. Чувствую этот предел, на котором стою, — раньше мне казалось, что его у меня нет.

— Ты права, — говорю я. — Оставлю до завтра все, что может подождать.

— А что-то не может? — Она улыбается.

— Да. Тебя нужно проводить домой.

Солливер снимает мою гарнитуру раньше, чем я успеваю ее коснуться.

— Мой дом отныне и навсегда рядом с тобой, Торн. Я остаюсь.

— Ты же помнишь, что я сказал про ее силу? — уточняю я.

— Я не боюсь никакой силы, пока ты рядом. — Она наклоняется и касается губами моих губ.

Это прикосновение отдается в теле еще большей усталостью. Странно, но я не чувствую ничего, когда она меня целует, — только легкое скольжение губ по губам. Это поразительный парадокс, с одной стороны, я давно не чувствовал себя настолько живым, с другой — полное отсутствие чувств к женщине, которая скоро станет моей женой и первой ферной. К женщине, которая действительно заботится обо мне.

— Пойдем, — говорю я и поднимаюсь. — Спальня уже готова.

По-хорошему, мне не стоит спать, и я не уверен, что буду, но пара часов в кровати, чтобы расслабилось тело, мне точно нужны.

Потому что иначе расслабиться не получается. Стоит мне оказаться в душевой, под упругими струями воды, как я снова мысленно возвращаюсь в комнату, где спит Лаура. Словно снова смотрю на нее, на подрагивающие ресницы и разметавшиеся по подушке волосы. Эта женщина не просто проблема, она — мое наваждение, и, кажется, надо с этим смириться. Равно как и с тем, что я сделал все, чтобы оттолкнуть ее от себя.

Поэтому, когда я выхожу, а Солливер направляется в ванную, я говорю:

— Комната в твоём распоряжении, Сол.

Она складывает руки на груди.

— Завтра здесь будет команда медиков, но пока — это моя ответственность.

— Пока? — Ее голос становится жестким. — Вспомни, что она сделала, Торн.

— Я все отлично помню, — отвечаю, отбрасывая полотенце. — Но я говорю тебе это не потому, что готов обсуждать с тобой. А потому, что мы с тобой партнеры.

— Партнеры, — Солливер шагает в сторону ванной, но возле двери оборачивается, — обычно все обсуждают, Торн. Возможно, ты не создан для партнерства в каком бы то ни было виде.

Она скрывается в ванной, а я одеваюсь и выхожу. Возвращаюсь в комнату, из которой ушел, плотно закрываю за собой дверь. Лаура повернулась на бок и спит, закинув руку на Ветража. Драконенок совершенно не возражает, напротив, он развернулся мордой к ее лицу и уткнулся носом ей в щеку, от его дыхания на ее коже остаются морозные искорки. Что касается Гринни, та спит на ее волосах, забинтованная грудка ровно вздымается.

— Ну и что мне с вами делать? — спрашиваю я.

Вопрос не подразумевает ответа даже от меня, поэтому я захожу к матрасу, брошенному на пол, ложусь на него и вытягиваюсь, глядя в потолок. Это напоминает мне мою молодость в казармах академии, мгновения, когда после выматывающих тренировок на полигоне я падал на койку и вырубался. В этом была своя прелесть. Равно как и в том, чтобы лежать вот так, почти на полу, слушая тройное сопение.

Непонятно почему эта мысль заставляет меня улыбнуться. И на мгновение прикрыть глаза.

Солливер Ригхарн

Он действительно уходит. Уходит, закрывает дверь с той стороны и идет к ней. К своей Лауре.

От нее мужчины не уходили никогда, не считая того случая. Первого и единственного, когда она, как дура, влюбилась в парня, у которого на уме была только другая девица, озабоченная перекрестными отношениями.

Именно поэтому Солливер прекрасно знала, что если мужчина уходит — он не вернется. То есть он может вернуться номинально, присутствовать в твоём поле или даже трахаться с тобой, но мыслями он все равно там. Там, с ней.

И с этим надо что-то делать, даже если хочется что-то разбить. Невыносимо.

Вот только делать все и всегда нужно на трезвую голову.

Солливер достала смартфон и набрала номер.

— Привет, напарничек, — едко сказала она. — Ты, наверное, уже понял, в какой заднице мы оказались.